

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Н. Е. Копосов

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ БАЗОВОГО УРОВНЯ

К СЕМАНТИКЕ СОЦИАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

В этой статье мы попытаемся сопоставить два понятия, взятые из весьма различных теоретических традиций, и посмотреть, что их сопоставление дает для семантики социальных категорий. Под социальными категориями мы понимаем имена социальных групп (например: дворяне, буржуа и т.д.). Термин «основные исторические понятия» (*geschichtliche Grundbegriffe*) взят из немецкой «истории понятий» (*Begriffsgeschichte*). Его теоретическое обоснование дано прежде всего в работах Райнхарта Козеллека [1–4]. Понятие «термины базового уровня» (*Basic level terms*) взято из когнитивных наук. Его классическая формулировка принадлежит американским исследователям — психологу Элеанор Рош и лингвисту Джорджу Лакоффу [5–8].

Статья состоит из четырех частей. В первых двух мы вкратце остановимся на том, что подразумевается соответственно под основными историческими понятиями и терминами базового уровня, в третьей части речь пойдет о некоторых проблемах семантики социальных категорий, а в четвертой в контексте этих проблем будет показана взаимосвязь двух интересующих нас здесь понятий.

1. Основные исторические понятия

История понятий сформировалась как особое направление немецкой историографии относительно недавно, в 1960–1970-е гг., но корнями она уходит глубоко в XIX в., переформулируя в контексте современной философской герменевтики и теории модернизации некоторые принципы немецкого историзма. Райнхарт Козеллек, ее главный теоретик и один из наиболее значительных историков, работающих сегодня в Германии, был учеником Хайдеггера и Гадамера, влияние которых сказалось на его интерпретации традиционных тем немецкого историзма. С другой стороны, продолжение этих традиций в условиях послевоенной Германии неизбежно предполагало их включение в общеевропейскую перспективу, каковой для многих, в том числе и для Козеллека, стала теория модернизации.

Непосредственный предмет истории понятий — формирование понятийного аппарата социально-политических теорий. Но ее претензии простираются гораздо дальше, ибо она исходит из мысли, что исследование исторических понятий — кратчайший путь к постижению истории. Такой подход, типичный для немецкой исторической мысли, как бы навязывается значением самого слова *Begriff*, которое содержит идею интуитивного «схватывания» смысла явлений, непосредственно выражаемого понятиями. Главной особенностью *Begriffsgeschichte* при этом явля-

Копосов Николай Евгеньевич (р. 1955) — кандидат исторических наук, доцент филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 199034, Санкт Петербург, Университетская наб., д. 11.

Телефон: (812) 3284422.

ется акцент на зависимость семантических структур исторических понятий от форм переживания исторического времени или, как обычно говорят, от исторической темпоральности. Поэтому анализ исторических понятий и позволяет «схватить» историческую темпоральность, а это значит — проникнуть в самую суть истории. Влияние Хайдеггера очевидно и в напряженном «вникании» в понятие, и в отождествлении онтологии истории с ее темпоральным строением.

Именно поэтому центральной идеей истории понятий является концепция «переломного времени» (*Sattelzeit*), которое приходится на конец XVIII — начало XIX вв. Вслед за многими историками Козеллек находит здесь границу современного мира, момент рождения современной системы социально-политических категорий. Но суть этого перелома Козеллек усматривает в новом переживании исторического времени. Семантическая структура исторических понятий определяется, с его точки зрения, напряжением, возникающим между их по-разному ориентированными во времени элементами, которые он называет соответственно «областью опыта» (*Erfahrungsbereich*) и «горизонтом ожиданий» (*Envartungshorizont*), иными словами, между обобщенным в понятии наличным бытием и проектом будущего, который оно пытается сформулировать и навязать как логическую неизбежность, как естественный порядок вещей.

До середины XVIII в. социально-политические понятия ориентировались прежде всего на зону опыта, описывая плохо упорядоченную, фрагментарную реальность общества партикуляристского типа. Это резко меняется начиная с эпохи Просвещения, Французской революции и радикальных общественных преобразований конца XVIII — начала XIX в. Понятия теперь устремляются в будущее, порывают связи с областью опыта, ориентируются на горизонт ожиданий. В них формулируются, оспариваются, переформулируются основные черты образа будущего. В этих семантических сдвигах прежде всего и проявляются онтологические перемены, связанные с приходом Нового времени (*Neuzeit*). История не просто концептуализируется теперь в понятиях нового типа — она сама становится иной, новой. Она уже не столько создает язык, сколько создается языком, рвущимися в будущее — и формирующими будущее — основными историческими понятиями. Но общество, описываемое в понятиях, характеризующихся преобладанием горизонта ожиданий, уже не может быть традиционным партикуляристским обществом. Оторвавшись от области опыта, эти понятия претендуют на всеобщее значение. Поэтому общество, построенное в соответствии с ними, может быть только всеобщим значимым, открытым, демократическим обществом.

Здесь мы подошли к одному из нелегких для *Begriffsgeschichte* вопросов, а именно, к вопросу о том, в чем отличие основных исторических понятий от неосновных или, как иногда выражается Козеллек, отличие понятий от «простых слов». Кроме уже указанной претензии на универсальную значимость Козеллек отмечает еще два таких отличия [1, S. 85–88]. Во-первых, понятия принципиально неопределимы, иначе говоря, они до такой степени внутренне конфликтны, открыты взаимоисключающим интерпретациям, наполнены идеологиями, что ускользают от всякой попытки зафиксировать их бесспорное, общепризнанное содержание. Во-вторых, в исторических понятиях деформируется нормальная семантическая структура, основанная на лингвистической триаде, различающей слова, понятия и вещи. В историческом понятии слово и значение сливаются до такой степени, что понятие не существует вне слова и, как следствие, выразимо только в нем. И хотя

позднее именно от этого последнего критерия Козеллек отказался, сама попытка его сформулировать представляется в высшей степени показательной, поскольку она передает ощущение, что с основными историческими понятиями связано какое-то логическое неблагополучие, отличающее их от «простых слов». Такого рода интуиции нередко оказываются чрезвычайно точными, пусть даже их не всегда легко сформулировать. Именно логическая специфика основных исторических понятий будет интересовать нас в дальнейшем. Но прежде необходимо сказать несколько слов о проблеме базового уровня таксономий.

2. Термины базового уровня

Представление о базовом уровне классификаций восходит к антропологическим исследованиям 1960-х гг., посвященным терминам для обозначения цветов и таксономиям «народных биологий». В 1970-е гг. оно было включено в более широкую концепцию «естественной категоризации» Элеанор Рош и Джорджа Лакоффа. Теория естественной категоризации направлена против традиционной «аристотелевской логики» и, прежде всего, против принципа необходимых и достаточных условий членства в категории. Эту логику сторонники теории естественной категоризации считают искусственной моделью мышления, ничего общего не имеющей с тем, как мы на самом деле мыслим. В естественных языках, по их мнению, категории образуются с помощью «семейного сходства», благодаря которому вокруг составленного из «хороших примеров» или «прототипов» ядра категории объединяется масса периферийных членов, так что нет ни одного свойства, разделяемого всеми членами категории, и только ими. Классификация опирается при этом не столько на анализ свойств, сколько на общее впечатление об объекте, на его образ. Благодаря этой идее теория естественной категоризации оказывается связанной с распространенными в когнитивной психологии 1970-х гг. исследованиями о «ментальном воображении» (Mental imagery) [8–10]. Оба течения сближала идея о том, что «естественное мышление» должно основываться на максимально экономичных формах кодирования и репрезентации информации. Ментальные образы, прежде всего, визуальные, и были в их понимании такими экономичными (по сравнению с громоздкими описаниями признаков) формами.

Понятие базового уровня имело особое значение для рассматриваемой теории именно в контексте ее связей с исследованием внелингвистических форм мышления. Базовым уровнем считался такой, понятия которого имеют максимальный объем, совместимый с экономичным, т.е. прежде всего визуальным кодированием. Так, можно визуализировать, пусть в виде весьма обобщенной схемы, идею собаки, но не идею животного вообще. Поэтому для биологических таксономий базовый уровень — это уровень родовых понятий. Именно для этого уровня сторонники теории естественной категоризации и приводили наиболее убедительные примеры прототипической структуры категорий.

Теория естественной категоризации вызвала много возражений [11–16]. По-видимому, прототипическая структура категорий ничуть не более «естественна», чем повинующаяся принципу необходимых и достаточных условий структура категорий аристотелевской логики. Все же, вероятно, эта теория отражает некоторые существенные закономерности нашего мышления, которое образует понятия в разных случаях по-разному. Иными словами, не приходится говорить об универ-

сальной структуре категорий. Скорее, следует изучать их разнообразие. Для целей же данной статьи особенно важно отметить следующее: как и в истории понятий, в теории естественной категоризации присутствует мысль о логическом своеобразии понятий наиболее значимого для таксономии уровня. Такое совпадение важнейших интуиций двух совершенно различных интеллектуальных течений вполне закономерно интригует и вызывает к сопоставлению.

Сопоставление оказывается тем более заманчивым, что концепция Рош — Лаккоффа, как и большинство концепций когнитивных наук, носит весьма статичный характер. Структура категорий и таксономий выглядит в ней как выражение неизменной сущности сознания (или, точнее, мира). Напротив, у Козеллека идея логического своеобразия основных исторических понятий включена в динамическую картину исторического становления современного разума. Но для того чтобы сопоставить основные исторические понятия и термины базового уровня, нам необходимо избрать и описать кадр такого сопоставления. Этот кадр — семантика социальных категорий.

3. Имена и классы

Прежде чем изложить некоторые элементы семантической теории социальных категорий, следует подчеркнуть, что вся эта теория описывает логические процедуры, используемые для решения лишь одной, строго определенной задачи, а именно — создания полного и законченного описания социальной структуры общества. Для описания логических процедур, используемых субъектами для повседневной классификации социального мира, нужна другая теория. *Главный тезис нашей теории* состоит в том, что *полное и законченное описание общества основывается на двух различных логических процедурах, а именно — на герменевтике социальных терминов и эмпирическом упорядочении множества.*

Описание социальной структуры неизбежно является интерпретацией предшествующих описаний. Поэтому речь идет о герменевтической процедуре. Цель описания обычно состоит в том, чтобы представить общество разделенным на социальные группы. Этим группам, естественно, приходится давать имена. Присвоение имени, по-видимому, чаще всего предшествует описанию и в каком-то смысле направляет его. Прежде чем стать текстом, описание в своих главных чертах формируется в воображении исследователя. Это формирование происходит, прежде всего, вокруг имен социальных групп, которые выступают как когнитивные точки, служащие для фиксации отбираемой информации. Информация эта, следовательно, оказывается значением имен социальных групп. Поэтому описание социальной структуры можно считать развертыванием значения социальных категорий, их интерпретацией, иными словами — герменевтикой социальных терминов.

В этом контексте особое значение приобретает семантическая структура социальных категорий, ибо она, по-видимому, и «отвечает» за логику описания социальных групп. Эта структура нам представляется биполярной, что отражает тот факт, что сами категории порождены взаимодействием двух различных логических процедур.

Имя социальной группы служит, с одной стороны, фиксатором референции — *rigid designator*, по терминологии Саула Крипке [17, р. 48], с другой же стороны, оно отсылает к описанию социальной группы, иначе говоря, к своему значению.

По-видимому, употребление имени всегда означает фиксацию референции. Что касается отсылки к описанию, то теоретически возможны три варианта: отсылка к полному описанию, отсылка к сокращенному описанию и фиксация референции без отсылки к описанию. В последнем случае имя употребляется как чистый деиктический акт, как семантическая пустота. Вероятно, в огромном большинстве дискурсивных ситуаций мы встречаемся со вторым вариантом: имя фиксирует референцию и отправляет лишь к части своих коннотаций, необходимой для того, чтобы понять конкретное высказывание. Отсылка к полному описанию и чистый деиктический акт выступают скорее как логические пределы семантической структуры имени и в определенном смысле сливаются на семантическом горизонте. Но это означает, что повседневный опыт говорения, использующего ограниченное количество коннотаций слов, развивает в нас прежде всего аналитическую интуицию, так что имя, указывая на вещь, одновременно начинает ее логический анализ.

Однако скрытый в имени деиктический акт, фиксирующий референцию, вовлекает нас в область совсем другой логики, нежели аналитическая логика коннотаций. Категория репрезентируется здесь не описанием свойств, а образом множества, сгруппированного вокруг зафиксированной ее именем когнитивной точки. Этот образ опирается уже не на опыт слов, а на опыт вещей, точнее, на опыт интуитивной группировки предметов, не называемых при этом именами категорий. Классифицируемые эмпирически предметы — в том числе и индивиды — выступают для нас как синтетические образы, но вместе с тем — как семантические пустоты. При такой классификации как бы отключается языковая интуиция: мы не просто абстрагируемся от категориальных имен классифицируемых объектов, но и группируем их в категории, которые не имеют имен и, следовательно, выступают в качестве семантических пустот более высокого порядка. В нормальном случае сформировав такие группы, мы затрудняемся дать им имена, поскольку не узнаем в этих эмпирических объединениях интеллигибельные категории нашего понятийного аппарата [18, р. 654]. Но если мы и назовем эти синтетические категории известными нам именами, мы обречены впоследствии на логические трудности, поскольку даже будучи в состоянии употребить имя лишь для фиксации референции, мы не в состоянии лишить его аналитического потенциала, который постоянно будет возвращать нас к аналитической логике коннотаций.

Разные имена, однако, в разной мере пригодны к употреблению в качестве семантических пустот. Некоторые имена в такой степени связаны с частью своих коннотаций, что хотя и отправляют к образу множества и к полному описанию как к своему семантическому горизонту, все же могут быть употреблены только в контекстах, актуализирующих их немногочисленные основные коннотации. Так, говоря *esceurs*, мы понимаем, что речь идет о мелких дворянах, обычно владевших мелкими сеньериями, иногда отправлявшихся на войну, едва умевших читать и писать и т.д. Иначе говоря, мы понимаем это слово не просто как низший дворянский титул, но и как знак, отправляющий к категории индивидов, характеризовавшихся многомерным социальным статусом. Но мы едва ли употребим этот титул в контексте, например, экономических отношений, складывавшихся в мелких сеньериях, хотя значительное большинство последних принадлежало именно *экуюе*, так что сказать так было бы довольно точно. Мы скорее скажем — мелкие дворяне, *petits nobles*. Но слово «дворянин», *noble*, — совершенно того же регистра, что и слово

есуег. Оно также указывает прежде всего на место человека в сословной иерархии. В чем же разница?

Разница в том, что слово *noble* выступает как понятие родового уровня социальной таксономии, а эти слова, видимо, применимы в гораздо более разнообразных контекстах, поскольку обычай их употребления привел к частичному притуплению заложенной в них аналитической интуиции. Не случайно Жак Рансьер называет их словами-вездеходами (*mots passe-partout*) [19, p. 72]. Но притупление аналитической интуиции облегчает превращение слов в семантические пустоты. Именно вокруг таких терминов, по-видимому, и организуются социальные таксономии, именно они, эти родовые понятия, и являются аналогом понятий базового уровня биологических таксономий. От их семантических структур зависит логика описаний социальной структуры, в то время как термины видового уровня позволяют не столько построить, сколько нюансировать эти описания. Терминами видового уровня члены базовых категорий обозначаются в специфических частных контекстах, от которых мало зависит общая логика изложения.

Иными словами, дискурс социальной истории организуется вокруг понятий, в которых достигает апогея конфликт аналитической логики интерпретации значений и синтетической логики эмпирического упорядочивания множества. Но эти логики предполагают различную структуру категорий. Аналитическая логика делает для нас более естественным принцип необходимых и достаточных условий, синтетическая логика склоняет нас скорее к формированию прототипических категорий. В повседневной практике наш здравый смысл довольно легко примиряет обе логики, вовремя подсказывая нам, где следует остановиться, чтобы не быть слишком логичными в терминах одной логики, ибо это немедленно приведет к слишком грубому нарушению другой. Именно поэтому большинство описаний социальных структур, которые созданы историками, при первой же попытке логического анализа заставляют вспомнить знаменитую классификацию животных Борхеса [20, с. 144]. Однако такая картина нашей обычной классификационной деятельности в социальной истории была бы неполна без определенного динамического момента. Дело в том, что в разные периоды в реконструкциях социальной структуры происходит некоторое «перераспределение ролей» между двумя логиками. То одна, то другая из них выдвигаются на передний план. И период, который Козеллек называет *Sattelzeit*, является характерным примером переориентации сознания, приведшей к изменению соотношения двух логик.

4. Классы и *Sattelzeit*

Итак, мы конкретизировали применительно к социальным таксономиям идею базового уровня. Это — уровень понятий, обозначающих большие группы или классы общества. Их семантическое своеобразие, отличие от остальных социальных терминов состоит в их повышенной способности конвертироваться в семантические пустоты. Именно поэтому можно сказать, что в этих терминах достигает апогея противоречие двух логических процедур, подлежащих реконструкции социальной структуры. Если мы теперь сопоставим понятия базового уровня с основными историческими понятиями, то увидим, что семантические трансформации *Sattelzeit* оказались весьма благоприятными для оформления логического своеобразия социальных терминов базового уровня.

Период конца XVIII – начала XIX в. многими исследователями и, прежде всего Мишелем Фуко, оценивался как момент важнейшего эпистемического перелома, характеризовавшегося, в частности, некоторым высвобождением мысли из-под власти языковых структур и более непосредственным отношением к вещам [21]. Переформулируя эту мысль в предложенных выше терминах, можно сказать, что те структуры социальных понятий, которые опирались на опыт вещей, обретают несколько большую независимость по отношению к тем структурам этих понятий, которые подсказаны опытом языка. По крайней мере, начиная с XVII в. социальная мысль пытается освободиться от закодированных в языке классификационных схем, обращаясь при этом к идее множества, тем самым как бы предлагая заново, эмпирически перекодировать всю массу составлявших общество индивидов. Администрации XVII–XVIII вв. отдали немалые усилия грандиозным попыткам такого перекодирования, связанным с распространением статистики, которая по необходимости должна была свести язык с вещами в едином пространстве, выработать такую номенклатуру, в терминах которой можно было бы относительно адекватно описывать массу эмпирических индивидов. Апогеем этого движения становится рубеж XVIII и XIX вв. По-видимому, имеет основания гипотеза, что в этой переориентации сознания с опыта слов на опыт вещей сыграли роль и те перемены в исторической темпоральности, о которых говорит Козеллек. Ведь то, что происходит в результате переориентации исторических понятий с области опыта на горизонт ожиданий, — это именно высвобождение мысли из-под влияния лингвистически закрепленного в сознании образа партикуляристского общества, а следовательно, расширение интеллектуального пространства для создания категорий нового типа. В том проекте будущего общества, который осознается в этих новых понятиях, можно распознать стиль мысли, основанный на опыте вещей и статистических процедурах. Связь между статистикой и демократией вряд ли где-нибудь выступает столь же отчетливо, как в теории «среднего человека» А. Кене, которая могла быть сформулирована только в сфере манипулирования семантическими пустотами, свободного от оков лингвистически кодированного опыта общества привилегий [22].

Именно в этих условиях происходит внутренняя перестройка социальных номенклатур, суть которой — в повышении роли терминов родового, т.е. базового уровня. Конечно, общество партикуляристского типа, общество Старого режима тоже было в состоянии представить себя в терминах макрогрупп. Достаточно вспомнить традиционную для европейского феодализма модель трех сословий — духовенства, дворянства и «третьего сословия», в основе выделения которых лежали выполняемые ими социальные функции. Характерны названия этих макрогрупп: те, кто молится, те, кто воюет, и те, кто трудится (*oratores, bellatores, laboratores*) [23]. Однако в этих макрокатегориях слишком заметна связь с обычным для средневековья эссенциалистским стилем мышления. Такие слова, как *noblesse* или *bourgeoisie*, могли, конечно, быть отнесены к группе лиц, но главный их смысл состоял в обозначении качества. Дворянство — это не столько дворяне, сколько статус дворян, их главное свойство, их сущность. С этим отчасти и связана относительная бедность средневековой лексики абстрактными понятиями. Те же, которые имелись, сплошь да рядом выражали прежде всего именно идею качества, а не идею множества. Напротив, в конце XVIII – начале XIX в. происходит настоящий бум абстрактных понятий. К этому классу терминов и принадлежат основные исторические понятия. Именно тогда для обозначения основных социальных групп

наряду с нарицательными именами распространяются коллективные имена. Любопытно, что для видовых социальных понятий таких имен-дублей обычно нет, а для социальных терминов базового уровня они, как правило, имеются. Речь идет о таких парах, как *aristocrates/aristocratie*, *nobles/noblesse*, *bourgeois/bourgeoisie*, *pausans/paysannerie*. Распространение коллективных имен означает, что социальные категории гораздо меньше, чем раньше, мыслятся как эманации сущностей. Скорее, они мыслятся теперь как множества индивидов. Для нарицательных имен единственная универсалия, мыслимая как реалья, есть универсалия качества. С коллективными именами на первый план выступает универсалия множества. Буржуазия теперь — это уже не статус буржуа, а класс людей. Реализм вещей приходит на смену реализму слов.

Итак, мы, по-видимому, в состоянии указать момент, когда в социальных номенклатурах понятия базового уровня обретают свой современный статус и современные семантические структуры. Этот момент — рождение *Neuzeit*, грань XVIII–XIX вв. Мы в состоянии, далее указать на некоторые механизмы этого процесса: это претензия понятий на всеобщую значимость, их ориентация на горизонт ожиданий и отрыв от области опыта, отраженной в социальной лексике партикуляристского общества, ориентированной преимущественно на видовой уровень. Это, далее, повышение роли родового уровня в социальных номенклатурах, усиление абстрактного характера социальных понятий, наконец, переориентация мысли с идеи качества, сущности, на идею множества, а это значит — с логики коннотаций на логику эмпирического упорядочения. И, наконец, мы в состоянии определить особенность семантической структуры социальных понятий базового уровня: они характеризуются относительным равновесием двух форм мышления, двух логик и, следовательно, приблизительным равноправием при образовании понятий принципов необходимых и достаточных условий и семейного сходства.

Литература

1. Koselleck R. *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlichen Zeiten*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1979.
2. Koselleck R. *Einleitung // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politischsozialen Sprache in Deutschland*. Bd I. Stuttgart: Klett, 1972. S. XIII–XXVII.
3. *Historische Semantik und Begriffsgeschichte* / Hrsg. R. Koselleck. Stuttgart: Klett, 1979.
4. *The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte*, German Historical Institute. Occasional Paper N. I, 5 / Ed. by H. Lehmann, M. Richter, Washington, 1996.
5. Rosch E. *Human Categorization // Studies in Cross-Cultural Psychology* / Ed. by N. Warren. Vol. I. London; New York; San Francisco: Academic Press, 1977. P. 1–49.
6. Rosch E. *Principles of Categorization // Cognition and Categorization* / Ed. by E. Rosch, B.B. Lloyd. Hillsdale (N.J.): Erlbaum, 1978.
7. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: The University of Chicago Press, 1987.
8. Paivio A. *Imagery and Verbal Processes*. Hillsdale (N.J.): Erlbaum, 1971.
9. Kosslyn S.M. *Image and Mind*. Cambridge (Mass.); London: Harvard U.P., 1980.
10. Shepard R.H., Cooper L.A. *Mental Images and their Transformations*. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1982.
11. Smith E.E., Medin D.L. *Categories and Concepts*. Cambridge (Mass.): Harvard U.P., 1981.
12. Murphy G.L., Medin D.L. *The Role of Theories in Conceptual Coherence // Psychological Review*. Vol. 92. 1985. N 3. P. 289–316.
13. Medin D.L. *Concepts and Conceptual Structures // American Psychologist*. Vol. 44. 1989. N 12. P. 1469–1481.
14. Kleiber G. *La Sémantique du prototype: Catégories et sens lexical*. Paris: P.U.F., 1990.
15. Rastier F. *Sémantique et recherches cognitives*. Paris: P.U.F., 1991.

16. Margolis E. A Reassessment of Shift from the Classic Theory of Concept to Prototype Theory / *Cognition*. Vol. 51. 1994. P. 73–89.
17. Kripke S. *Naming and Necessity*. Oxford: Blackwell, 1980.
18. Boltanski L., Thévenot L. Finding One's Way in Social Space: A Study Based on Games // *Social Science Information*. Vol. 22. 1983. N 4–5.
19. Rancière J. *Les Noms de l'Histoire: Essai de poétique du savoir*. Paris: Seuil, 1992.
20. Борхес Х.А. Аналитический язык Джона Уилкинса // Х.Л. Борхес. Коллекция. СПб., 1992.
21. Foucault M. *Les Mots et les choses: Une archéologie des sciences humaines*. Paris: Gallimard, 1966.
22. Desrosières A. *La Politique des grands nombres: Histoire de la Raison Statistique*. Paris: La Découverte, 1993.
23. Duby G. *Les Trois ordres on l'imaginaire du feodalisme*. Paris: Gallimard, 1978.